

«Самое сложное было —

ЦЕНИТЬ КАЖДЫЙ ДЕНЬ ЖИЗНИ АВГУСТУ ЗАВОДЧИКОВУ НАУЧИЛА БЛОКАДА

89-летняя участница Великой Отечественной войны, пережившая все 900 дней блокады, защищавшая наш город от фашистских захватчиков, вдова участника войны, инвалид вынуждена ютиться в проходной комнате, ставшей фактически коридором в квартире-распашонке. Благоустроенное отдельное жилье ей никак не получить.

Августа Сергеевна Заводчикова, которой скоро исполнится 90 лет, награжденная орденом Великой Отечественной войны II степени, медалями «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией», верит, что хотя бы к 90-летию власти наконец дадут ей давно обещанное благоустроенное жилье. Тем более что этот год — особенный. 70 лет Победы в Великой Отечественной.

Августа Сергеевна — гость редакции «ВП». С собой она взяла самое для нее ценное — семейные фотографии и правительственные награды — свои и умершего мужа, тоже участника войны.

Рассказывая о блокаде (а в блокаду умерли от голода все самые близкие родственники Августы Сергеевны, оставшиеся в Ленинграде), она постоянно задает один и тот же вопрос: «Может, не стоит об этом? Я была как все, никаких подвигов не совершала. Не знаю, почему я осталась жить, а другие нет». Словно просит прощения у них, давно ушедших.

Награды покойного мужа Василия Попсуйко.

«ОТ ГОЛОДА ЧУВСТВА ПРИТУПИЛИСЬ. ОСТАЛОСЬ ОДНО — ЧУВСТВО ХОЛОДА»

До войны школьница Августа Заводчикова жила вместе со старшей сестрой Юлией, ее мужем Константином Гусевым и их маленьким сынишкой Виталиком в доме на набережной Фонтанки (угол Бородинской). Родители Августы и ее братья в то время жили в Карелии.

22 июня 1941 года перечеркнуло будущее семьи. Константина Гусева не призвали на фронт, поскольку незадолго до начала войны он сломал ногу и мог передвигаться только на костылях. Эвакуироваться не смогли. Юлия работала медсестрой в Военно-медицинской академии: в начале войны академия с большинством личного состава выехала в Самарканд. Юлия не поехала с академией. Вероятно, побоялась отправиться в столь дальнюю дорогу, так как ждала ребенка. Семья осталась в Ленинграде. Юлия стала работать в госпитале, который открыли на территории Военно-медицинской академии.

Занятия в школе, в которой училась Августа, прекратились. Не до того было. Августа вместе с другими школьницами дежурила на крышах, тушила зажигательные бомбы. Поначалу все казалось не таким уж и страшным. Но потихоньку входил в свои права голод. Наступило время 125-граммовой нормы хлеба на день.

— Когда начался голод, наступило какое-то безразличие ко всему. Все чувства притуплялись. Хотя тебя разбомбят: все равно. Не обращали внимания ни на sireны противоздушной обороны, ни на звуки разрывающихся где-то в наших краях бомб. Я как-то от голода и страдать перестала. Донимал холод, — вспоминает Августа Сергеевна. — Где-то мы достали буржуйку, но топить-то ее было практически нечем. Стопили стулья, столы. Но холод в комнате стоял адский: вода, которую с таким трудом притаскивали в бидончике из проруби на Фонтанке, замерзала в комнате. Совсем негдето было согреться.

А однажды семья надолго осталась без хлеба. Три дня хлеб в булочную не завозили. Обезумевший народ зря толкался на морозе в очередях. Наконец хлеб привезли. Дождавшись своей очереди, ослабев-

Орден Великой Отечественной войны II степени.

Г № 430539

шая Августа протянула продавщице карточки. Та начала отвешивать пайки хлеба на весах. И вдруг эти куски хлеба кто-то выхватывает — и наутек. Для семьи остались одни довески.

Первыми в блокаду умирали мужчины. Августу на всю жизнь запомнила, как однажды брела по городу с бидончиком в руке (шла за жидким супом, который должна была получить в госпитале за оставшуюся в тот день дома сестру), а на углу Невского и Литейного увидела упавшего мужчину, который просил одиноких прохожих помочь ему встать. Изможденные голодом люди подходили, пытались помочь. Тщетно. Когда Августу возвращалась обратно, мужчина был мертв.

Смерть подкрадывалась все ближе к семье. Уже не мог встать с постели муж сестры Константин. Юлии удалось договориться о госпитализации мужа в больницу №25 на Фонтанке. Сестры свезли туда Константина на саночках.

На следующий день Юлия пошла проведать мужа. И — не нашла. Его не было в списках больных. Как же так? Ей сказали: идите за приемным покой. Она пошла. Рядом с приемным покоем высилась груда трупов. Груда та была выше человеческого роста. Юлия нашла мужа по забинтованной ноге...

В госпитале молодой вдове с малышом на руках пошли навстречу: дали жилье на территории академии, чтоб не ходить на работу по улицам в стужу. Переезжали на тех же саночках, посадив на них ребенка

одни жили. Печки-то были, а топить, понятное дело, нечем. Однажды рискнули, хоть это и нехорошо было, кинули в топку какие-то книги. Но тепла от них не было. Виталик, сын сестры, уже не вставал. Сидел или лежал, все время издавал какие-то звуки. Просил есть. Мы ему хлеба в тряпочку намнем и дадим вместо соски. Хлеб он сосал. А больше дать было и нечего. Как-то ночью просыпаюсь, сестра мне говорит, что рожает. Я ей помогала в родах: что она говорила, то я и делала. И пуповину перерезала, — Августу Сергеевну не может сдержать слез.

Ребенок родился мертвым, а его мать настолько ослабла, что уже ничего не могла делать. Юлию положили в госпиталь. Хоронить новорожденного пришлось Августе. Копать промерзлую насквозь землю она не могла. Сил не было. Пришлось закопать в сугроб (и это до сих пор мучает Августу Сергеевну: не смогла похоронить по-христиански).

На руках у Августы остался маленький Виталик. Уже уходящий. Она трепетно ухаживала за ним, продолжала делать соски из хлеба. Пыталась согреть, укрывала одеялами. Все было бесполезно. Виталика не стало.

Когда Августу пошла к сестре в палату и сказала ей об этой трагедии, Юлия, уже давно чувствующая приближение беды, смогла только сказать: «Авочка (так Августу ласково звали в семье. — Прим. авт.), ты очень не расстраивайся. Мы обязательно выживем».

(Виталику был год с небольшим). Поселились на кафедре марксизма-ленинизма.

— Мы там одни жили. Печки-то были, а топить, понятное дело, нечем. Однажды рискнули, хоть это и нехорошо было, кинули в топку какие-то книги. Но тепла от них не было. Виталик, сын сестры, уже не вставал. Сидел или лежал, все время издавал какие-то звуки. Просил есть. Мы ему хлеба в тряпочку намнем и дадим вместо соски. Хлеб он сосал. А больше дать было и нечего. Как-то ночью просыпаюсь, сестра мне говорит, что рожает. Я ей помогала в родах: что она говорила, то я и делала. И пуповину перерезала, — Августу Сергеевну не может сдержать слез.

Ребенок родился мертвым, а его мать настолько ослабла, что уже ничего не могла делать. Юлию положили в госпиталь. Хоронить новорожденного пришлось Августе. Копать промерзлую насквозь землю она не могла. Сил не было. Пришлось закопать в сугроб (и это до сих пор мучает Августу Сергеевну: не смогла похоронить по-христиански).

На руках у Августы остался маленький Виталик. Уже уходящий. Она трепетно ухаживала за ним, продолжала делать соски из хлеба. Пыталась согреть, укрывала одеялами. Все было бесполезно. Виталика не стало.

Когда Августу пошла к сестре в палату и сказала ей об этой трагедии, Юлия, уже давно чувствующая приближение беды, смогла только сказать: «Авочка (так Августу ласково звали в семье. — Прим. авт.), ты очень не расстраивайся. Мы обязательно выживем».

Снова на долю Августы пришлось похороны ребенка. Она завернула его в одеяльце, перевязала, повезла на саночках, куда ей сказали — в район нынешней станции метро «Пушкинская». Там в блокаду был участок, куда свозили умерших.

— Такие штабеля трупов метра два в высоту — и между ними проход для живых. Иду по проходу и понимаю — мне не закинуть тело племянника наверх. Пришлось оставить в проходе, — вспоминает Августа Сергеевна.

Через два дня умерла Юлия. Августу осталась одна. Женщины, которые лежали в палате, в которой умерла Юлия, посоветовали Августе подойти к комиссару госпиталя и попроситься на работу. Августу пошла, и ее взяли на кухню — мыть посуду. Начинаясь март 1942 года. Августу считает, что именно благодаря приему на работу она и выжила.

Тогда она еще не знала, что война унесет жизни двух ее братьев. Старший пропадет без вести на фронте, младший умрет от голода.

СПАЛА ПО ПЯТЬ МИНУТ...

Госпиталь №1117, находящийся на территории Военно-медицинской академии. Августу Заводчикову трудится на кухне. Она еле ходит, не может поднимать тяжелое. Но в ее обязанности входило мыть котлы. Котлы были огромными, и ей их было не поднять на полки.

— Меня стала опекать тетя Паша, работающая на кухне. Помогала, учила. У нее самой было трое детей. Потом она меня пригласила к себе жить. Мы с ней вместе вставали в 4 — 5 утра и шли на работу. Чудной души была человек. Я до сих пор с ее дочерью общаюсь, — вспоминает Августу Сергеевну.